

Дело случая, счастливого случая.

... Из газетной ли какой публикации впервые узнал я об этом человеке или из телевизионного новостного сюжета, на беглый взгляд просмотренного, – сейчас точно уже не скажу, не вспомню. Да и так ли это важно, каким был первоисточник, остановивший однажды мое рассеянное внимание? Иное намного значимее, волнительнее и отраднее для просветлевшей души: русский Николая – отважный боец французского Сопротивления, кавалер ордена Почетного легиона, а это, напомним, высшая награда Французской Республики, к тому же на разбежке XXI века удостоенный звания «Почетный гражданин города Березовский» (есть на Урале такой маленький, всего в 50 тысяч жителей, промышленный центр, основанный в свое время на золотых приисках в пошаговой близости от Екатеринбурга), этот стойкий и мужественный офицер-фронтовик, прошедший и перетерпевший немецкий плен и советские лагеря ГУЛАГа, родом, оказывается, наш, вятский. И фамилия у него, словно в горькую насмешку над множественными скорбями и печальми долгой жизни, звучит по-весеннему певуче, задорно, звонко, почти как у знаменитого поэта – ВА-СЕ-НИН.

Васенин Николай Максимович – так зовут этого человека удивительной, неповторимой судьбы.

ОТЦОВСКИЙ НАКАЗ: БЕРЕГИ ЗЕМЛЮ...

Место, дата рождения: село Пышак Орловского уезда (ныне Юрьянского района) Вятской губернии, 5 декабря 1919 года – начальная строчка биографии маленького Коли, пятого, самого младшего поскребыша в семье крестьянина Максима Николаевича Васенина...

Пышак... Что-то близкое, знакомое... Впрочем, никогда прежде не приходилось мне бывать в Пышаке, не выпадала еще такая подручная оказия, а надо бы. Вон как интригующе, остро и достаточно разбойно звучит: пышак – по значению, если словари не обманывают, это нож, ножик. Хотя на Вятке так не говорят. Никогда подобного не слышал. И все же одно это название, пусть и несколько инородное для местной лесной окрестности, чего стоит – мимо не пройдешь, чтобы чуток не вздрогнуть, не поежиться, почувствовав легкий холодок на беспокойном сердце.

Из старинных по родове юрьянских поселений, отсчитавших от своего основания уже не один суровый век и основательно помелевших населением в последние времена, это, пожалуй, единственное, оставшееся без моего заинтересованного внимания и знакомства. Хотя, признаюсь, сколько раз собирался. Вот и ныне по весне была такая думка, да отговорили, отсоветовали знакомые в райцентре: дорога туда неладная, да и неблизкая – от мурашинской трассы более двадцати верст, по дождю или затяжному непогодью, по грунтовым ямам да канавам можно на легкой машинке и не проскочить и даже очень вероятно завязнуть основательно и надолго в дорожной хляби.

С утра в тот майский день и впрям постоянно накрапывало, небо над головой было серо, сурово и непредсказуемо – потому и не решился, не поехал. Отложил это дело до лучшей поры. Но памятка об этом селе не проходила. Потому в умных краеведческих книжках скоро прочел, что своим рождением Пышак напрямую обязан знаменитому на всю Россию соседу – селу Великорецкому, до которого, если считать напрямки, всего – ничего, два часа быстрого хода по проселку. А если налегке и с усердной молитвой – и того меньше. По этой счастливой близости и порешили однажды боголюбивые православные граждане организовать в доступной расположенности новый монастырь, испросили скоро на это святое дело у царя-батюшки великодушное дозволение, получили соответствующую разрешительную грамотку на пользование окрестной таежной землей. А еще – в знак царского расположения и благоволения – Раифский образ Божией Матери, писанный не где-нибудь, а на самом острове Афоне.

И стала здесь с той поры, с далекого XVI века трудами трудников и монахов подниматься Раифско-Богоявленская пустошь, в которую поклониться чудотворному образу Богородицы непременно заходили многие великорецкие паломники и крестоходцы. А кто-то и вовсе оседал рядом с монастырем на постоянное житье в заградной слободке, с годами окрепшей добротными избами и подворьями и обернувшейся в большое богатое село. Позже, еще в XVIII веке, по какому-то церковному расчету или разумению монастырь закрыли, монахов расселили. Однако местные жители покидать родные места не согласились. Напротив, вместо сгоревшей в пожаре деревянной церкви скоро возвели каменный Богоявленский храм, в котором и крестили, и венчали, и отпевали пышакских поселенцев в течение целого столетия, пока атеистической советской власти не угодно стало повесить на храмовые ворота увесистый запретный замок...

Вот на этих привольных просторах, пересекаемых недалече от села речками Великой и Озорницей, под юркими самодельными петушками-флюгерами, посаженными на высокие коньки многих избяных крыш, и озоровал в детстве маленький крестьянский сын Коля Васенин. Впрочем, особо озоровать и проказничать времени не было – хозяйство у тяти крепкое, основательное: коровы, лошади, прочая домашняя живность. Большого ухода требует и постоянного пригляда. Потому и пастишить-скотоводить, пахать и хлеба жать, сенокосить и стога метать умели в семье все сызмальства. И отношение к родной земле было особенное, трепетное, почтительное.

– Бросил я как-то комок земли в чужой огород, – вспоминал на старости лет Николай Максимович. – Отец увидел, руку мою перехватил и строго выговорил: «Сын, что ж ты делаешь? Нельзя так. Это же земля! Земля-кормилица! Береги землю смолоду!...» С этим отцовским наказом я и живу...

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА...

Все проходит: и печали, и радости золотого детства. Вот уже и семилетка за плечами, а что дальше, куда податься – особой определенности и устремленности у юнца не было. Посоветовали идти в мелиораторы: дело полезное, да и землю-кормилицу надо же кому-то обихаживать – поступил Коля спехом в гидромелиоративный техникум. Но очень скоро понял – нет, не по душе сие мастерство. Махнул тогда на север, в Мурманск, к старшей сестре, где и получил специальность судового механика. Да и смежных навыков при случае немало поднабрал. А что, жизнь впереди долгая – запас карман не тянет...

– В Мурманске я жил среди моряков – и из них непременно кто-нибудь учил меня какому-либо морскому занятию, – рассказывал о том времени Васенин. – Вот так я увлекся морзянкой, я морзянку отлично знал. Мог передать морзянкой что угодно. Теперь-то уже стало забываться, хотя передать-то передам, может быть, а вот принять уже... Вряд ли... Уже многое забылось. Там ведь, собственно говоря, мотив простой: «дай, дай закурить...» или «я на горку шла...» Вот такие напевы, они легко подбираются...

С напевами еще одна история связана. Моряки – народ боевой, задорный, на розыгрыши и придумки горазды. А что, товарищ, не хлюпай носом... По тому времени песню Утесова «Бывайте здоровы, живите богато...» практически каждый знал, напевал повседневно. А один васенинский сослуживец однажды по вдохновению переиначил слова. Да так ладно и складно это сделал, что до конца жизни в задушевную минутку Николай Максимович любил напевать:

Я водки не пью, но люблю веселиться,
А если уж выпью, люблю похмелиться.
Люблю я с похмелья кататься на лодке,
Когда, искупавшись, опять выпью водки.
Так будьте здоровы, живите счастливо,
Но не забывайте про водку и пиво.
Они искажают вашу походку,
Но пейте, товарищи, русскую водку...

За пару недель до своего двадцатилетия, в ноябре 1939 года, получил вятский паренек из мурманского военкомата повестку: «Гражданин Васенин Николай Максимович, вы призываетесь в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии...» Но пока проходил курс молодого бойца, пока осваивал азы пулеметного дела, началась финская кампания.

– Когда мне было 19-ть, я попал на русско-финскую войну, на Карельский перешеек, – немного путаясь в своем возрасте, вспоминал

девяностолетний Васенин. – Сразу пустили вперед, в разведку боем. Идем по озеру в открытую, а противник в дотах, дзотах и стреляет по нам, как в тире. За нами идут разведчики и фотографируют, отмечают те точки, откуда в нас стреляли. Вот что такое «разведка боем»... При этом одна винтовка на двоих. А за патроны потом еще и отчитаться надо... И не в валенках, не в сапогах – в обмотках. Буденновка – шапок не было, шапки потом дали... И где воевать-то? В грязи, в снегу, в болотах... Господи, солдат терпелив... Снаряд, когда летит через тебя, как будто чи-хает так: «Кхе-кхе-кхе». Кряхтит, черт его возьми. И ты думаешь: «Ой, Господи, да пронеси!» А как пронесет, думаешь: «... твою мать!»

Однажды, впрочем, не пронесло: получил тяжелое ранение и полгода маялся по госпиталям. После выписки по некоторому желанию был направлен на учебу в школу среднего комсостава при штабе 17-й стрелковой дивизии. В мае 1941-го прошел аттестацию на присвоение звания лейтенанта, но офицерские петлицы получить не успел – дивизию срочно перебросили к западной границе СССР. А начало войны встретил уже в должности командира взвода связи.

Однополчанин Васенина позже рассказывал:

– Наша 17-я стрелковая дивизия, 271 стрелковый полк, базировалась близ Полоцка. В мае-июне начали передислоцирование в сторону границы. Приказ: перейти на летние лагеря. Приказ основывался на словах Сталина, чтобы не поддавались провокациям. В результате ни один патрон, ни один снаряд не был отправлен вместе с нами, все осталось на складах. Не то что воевать – застрелиться было нечем!..

НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН

— Человек, который еще помнит, что такое война, который по-чужому нюхал, не должен это вспоминать, – неизменно подчеркивал Васенин. И сам же нарушал это неписаное правило, обращая взгляд в прошлое: – Вот я до фронта не знал, что такое женское тело. Да-да. Считаю, святой мальчик... И вы представляете себе: вот святой мальчик, а его убивать заставляют. Убивать... Как это? А так... Ничего, ребята, привыкнете, если доведется. Не дай Господи, конечно, чтобы довелось. Любой бы из вас делал то же, если бы попал в ту обстановку... Ничего особенного – не было выхода. Если будешь отступать – сзади заградительные отряды идут, отряды НКВД, тебя просто прихлопнут. И там волей-неволей, а вперед – за Родину, за Сталина. Ну, за Сталина я не кричал и не слышал, чтобы кричали. Но говорят, что бывало. Раньше же по-другому было: по головке никто не погладит – иди вперед, а зачем – сам и не знаешь. Ну что ж, война есть война. Я не обижаюсь... Нет, война нестрашная, нестрашная нисколько. Страшно бывает, когда передовую после боя занимаешь. Когда поле стонет... Целое огромное поле... Вот при хорошем урожае видали, наверное, сколько в поле бывает снопов? Вот после боя, хорошего боя, столько же убитых лежит. Это солдаты. Русские солдаты. А кто раненый, кто просит о помощи, иной вообще: «Прибейте меня. У меня там двое детей остались и жена молодая. А я вот...» Стон поля брани. Это тяжело вспоминать. Невозможно...

6 июля 1941 года под Минском при попытке вырваться из окружения Николай Максимович был ранен в живот, контужен и практически в бессознательном состоянии взят в плен. В фильтрационном лагере особого интереса немцы к нему не проявили, посчитали за рядового и вместе с другими ранеными окруженцами отправили в санитарный барак. А с выздоровлением стали привлекать к различным подсобным работам.

Сохранился снимок той поры, сделанный в концентрационном лагере Мюльберг: стриженный под машинку Васенин, одетый в солдатскую шинель, наглухо застегнутую на шее, смотрит в объектив пристально, тревожно. А на его груди четкая номерная табличка – 103789 IVB.

В мае 43-го пышакского парня переводят в шталаг, расположенный в саксонском городке Вольфен, откуда он при первой возможности бежит. Но через месяц его схватили, жестоко допросили в гестапо, вернули в концлагерь, а затем в составе рабочей команды отправили во французские Альпы копать ямы под телеграфные столбы для линии связи.

9 октября – еще одна попытка побега. И хотя местность в Альпах горная, каменистая, раскинутые по склонам бесконечные виноградники ограждала колючая проволока, и охраняли злые собаки, а по следам беглеца шли преследователи, несколько дней спустя Николай все же добрался до городка Сен-Сорлин-ан-Валлуар, где его схоронили от чужих глаз отчаянные местные жители. Они же скоро и вывели беглого советского военнопленного на местное подполье, которым командовал капитан Жорж Моно.

ОТРЯД НИКОЛЯ СРАЖАЕТСЯ

Поначалу жил Васенин в горах в доступной близости от Сен-Сорлина: днем помогал в повседневных делах и хлопотах местному крестьянину, словно пришлый наемный батрак, а когда солнышко уходило на закат, спускался на равнину, чтобы в силу своих возможностей потрепать с товарищами немецкий оккупационный режим, лишить германца покоя и сна.

– Там, во Франции, все как-то было по-другому, иначе, – вспоминал на склоне лет Николай Максимович. – И жили мы, не как наши партизаны – не в глухих лесах, а в обычных домах. И оружием, и продуктами нас активно снабжали англичане, сбрасывали их с самолетов. И боевую операцию начинали после сообщения по радио примерно такого содержания: «Собака колли сегодня родила семь щенков...» Значит, будет семь парашютистов...

Впрочем, первое время макизары (так называли бойцов Сопротивления) относились к беглому русскому настороженно. У него ж нигде не написано, что он свой – а вдруг провокатор? Засланный казачок? Потому и вооружать его доброй волей никто не собирался. Все было намного проще, прозаичнее: готов воевать – доказывай свою решимость в конкретном деле, добывай оружие в бою. И если выживешь, да еще и с винтовкой вернешься – будет тебе и доверие, и дружеская поддержка.

– А я бесстрашный был, в пекло постоянно лез по собственной инициативе, смерти нисколько не боялся, видно, заговоренным родился, – объяснял свою удачу на поле брани Васенин.

Скоро партизаны выправили своему новому товарищу временные документы – на имя Николая Вуатье. Мало ли где пригодятся, в каких проверках и предъявах, зачем лишние проблемы...

В переводе на русский «вуатье» – значит «глухонемой». Совершенно не зная французского языка и не проявляя в его изучении особого прилежания, объяснялся Васенин, как правило, жестами. Или мимикой лица. Или выражал свою мысль на бумаге, в беглом карандашном наброске. Даже немецкий язык за годы плена он постиг намного лучше. Видимо, поэтому скорые на розыгрыш и незлобную шутку французы и воплотили в выдуманной фамилии его поведение и внешнюю наглядную немоту...

Партизанский отряд капитана Моно активно действовал в окрестностях Лилля, Гренобля, Марселя, Сен-Рамбера, громя комендатуры и немецкие гарнизоны в небольших поселениях, взрывая склады и устраивая засады на дорогах, казня предателей-жандармов и собирая разведданные. И отчаянный и невероятно везучий Васенин из рядового бойца вскоре дослужился до командира – возглавил боевую группу в полсотни штыков. Этот русскоговорящий «отряд Николая» объединял в основном бывших советских военнопленных.

Удача на войне, спору нет, многое значит. Очень многое. Но все же каким бы удачливым и «заговоренным» ни был Васенин, в одном из боев основательно зацепило и его. Рана была серьезная. Выхаживать отважного Николая вызвалась Жанна Моно, дочь командира.

– Она поливала мою рану перекисью, та пенилась, закипала, – вспоминал много позже Николай Максимович в одном из интервью. – И так же закипала наша любовь... Подумайте сами, оборванец, единственное, что у меня было, – винтовка да рваные штаны, сшитые из одеяла, – и дочь самого капитана Моно! Узнай про наши симпатии, люди просто бы подняли меня на смех. Так мы скрывались в ее комнатке: она играла на пианино Шопена, а я читал ей наизусть «Евгения Онегина»...

Дело молодое: по взаимной нежной привязанности все неуклонно шло к скорой женитьбе, мать Жанны была на стороне влюбленных, но когда Васенин официально попросил у Жоржа Моно руки его дочери, последовал категорический отказ. Без особых объяснений. Нет и нет! Безоговорочно и однозначно. Противиться воле отца Жанна не осмелилась, бракосочетание русского и француженки окончательно расстроилось. Что ж, такое тоже бывает...

А в это время, к лету 1944 года, департамент Дром усилиями местных макизаров практически превратился в настоящий островок свободной Франции. Оккупационным властям противостояло здесь около 4 тысяч бойцов Сопротивления. Тогда раздосадованный вермахт бросил против восставших регулярную армию в 20 тысяч солдат. Силы были неравны, повстанцы несли тяжелые потери, отступая в горы. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы во второй половине августа на юге страны не высадились американские войска. Это было спасение! Тогда же, зная о союзнической поддержке, отряд Николая захватывает крупный опорный пункт немцев Сен-Рамбер-д'Альбон и с боями удерживает его до подхода подкрепления. В этом городке несколько недель Васенин исполняет обязанности военного коменданта,

а потом переезжает со своими бойцами в Гренобль и в начале сентября на сборном пункте организованно и добровольно сдает оружие.

Все, боевые действия французского партизана Васенина – Вуатье на этом закончились.

СУРОВАЯ РОДИНА

Париж, советская военная миссия, должность начальника военно-учетного стола, лейтенантские погоны... Такова дальнейшая служба молодого офицера, вчерашнего макизара, все еще испытывающего нежные чувства к дочери капитана Моно и способного ради нее на безумные и даже совершенно авантюрные поступки. Когда однажды, под Новый год, Жанна оказалась в Париже, Васенин с другом, ничтоже сумняшеся, угнал у французского генерала служебное авто и катал всю ночь свою возлюбленную по тихим городским улицам до тех пор, пока не врезался в американский «студебеккер»...

В апреле сорок пятого Николай Максимович подает рапорт об отправке в СССР: «... Прошу направить меня на дальневосточный фронт...», вместе с другими репатриированными прибывает в Одессу, со сборно-пересылочного пункта его перекидывают в 102-й запасной стрелковый полк. И к полной неожиданности Васенина... открывают следствие по делу о пребывании его в немецком плену.

Вот такая выпала первая встреча с родиной – неласковая, томительная.

Около двух месяцев будет тянуться это унижительное расследование, потом, в начале июля, состоится военный трибунал, который вынесет неожиданный, страшный по своей сути приговор: 15 лет исправительно-трудовых лагерей.

Пятнадцать лет! За что? За плен, за «измену!..»

Так испытавший всю «прелесть» немецких концлагерей Николай Максимович оказался еще и в советском ГУЛАГе, где на шахтах Забайкалья, на приисках Читинской области добывал для родной, но такой неприветливой страны уголь, олово и драгоценные металлы.

После смерти Сталина в режим содержания осужденных внесли некоторые послабления. Небольшие, но все же... Васенину теперь дозволялось даже жить в поселке, а не в общем бараке, иметь достаточно свободное хождение. Тогда-то он и встретил строгую и очень правильную в поведении и суждениях девушку Зину, молодую геологоразведчицу, но уже члена партии, ставшую вскоре его женой.

– Как-то конвоировали партию бежавших и вскоре пойманных заключенных. Конвоировали их и измывались, как могли, – вспоминает Васенин. – А тут она, эта Зина. Видит все это безобразие и все равно бросает вслед несчастным: «Так им, ублюдкам, и надо...» Да-а? Ну, я тогда и подумал: «Ах так?! Ладно. Так я тебя тоже тогда накажу – женюсь!» И женился...

У Зинаиды Васильевны было несколько иное воспоминание о первых встречах:

– Покорил он меня своим пением... Ехали верхом на лошадях в трест, он по дороге запел. Ой, какой у него голос был!.. Потом пригласил

в кино раз, другой... Там, в Читинской области, у нас и трое детей народилось...

В 1960 году, когда пришла долгожданная свобода, Николай Максимович с семьей перебрался на Урал, на родину жены, в город Березовский. Работал инженером на местных заводах, а перед выходом на пенсию – слесарем по ремонту оборудования. И только в период перестройки был реабилитирован, признан ветераном войны, награжден орденом Отечественной войны II степени.

«Я РУССКИЙ СОЛДАТ. Я ОБЕЩАЛ ВЕРНУТЬСЯ...»

Убеленный сединами, признанный ветеран войны, орденосец – кажется, чего уж теперь бояться. Кончились ахи и страхи. И железный занавес тоже рухнул – окончательно и бесповоротно. Другие времена настали, другие правила легли в основу нашей жизни. Уважение, свобода и неприкосновенность личности...

Васенин поверил в добрые перемены: посылает запрос во французское посольство – ищу боевых товарищей-макизаров, участников Сопротивления. Мечтаю повидаться на склоне лет... Но ответ приходит из совсем иной организации – по-прежнему внушающего трепет и страх КГБ: «Не ищите, дорогой ветеран, новых приключений и неприятностей на свою седую голову. Или вам напомнить о темных пятнах вашей прежней биографии?..»

На долгие десять лет отбили Николаю Максимовичу тогда желание «высовываться», о чем-то мечтать, кого-то разыскивать. Замолчал ветеран, жил мирно, праведно. Но в 1996 году все же вновь отважился – обратился за содействием во французское консульство в Екатеринбурге. Но друзей по боевому братству найти снова не удалось, а может быть, просто недостаточно хорошо искали? Зато французские чиновники подняли наконец военные архивы, скрупулезно изучили документы и официально признали Васенина участником Сопротивления. Более того, переслали ему почтой заслуженный еще в 1944 году Крест бойца – почетную боевую награду.

Прошло еще одно десятилетие. В 2005-м, в год 60-летия победы во Второй мировой войне, президент Жак Ширак за заслуги перед Французской Республикой своим именованным указом наградил Николая Максимовича высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона. Можно себе представить, какой головной болью обернулся для местных властей весенний визит в провинциальный город Березовский Чрезвычайного и Полномочного посла Франции в России, который лично вручил орден бывшему макизару. Ведь до этого случая о Васенине никто из чиновников ничего не знал. Ну, живет старик скромно на пенсии, и слава Богу. А тут что получается: рядом с нами – настоящий герой! Интернационалист. Боец французского Сопротивления. Кавалер высшей награды дружественной страны!.. И вдогонку, исправляя положение и отдавая запоздалые почести, присвоили тогда ветерану звание «Почетный гражданин города Березовский»...

Слава, признание, повышенное внимание властей и прессы, лавиной обрушившиеся на рядового пенсионера, – все это, конечно, было приятно старому человеку. Он теперь много рассказывал о себе. И все же еще таился, до самой смерти супруги, с которой прожили более полувека, даже не заикался о сокровенном своем желании – увидеть бы Жанну. Жанну Моно. Милую девушку из французской провинции. Первую свою большую любовь.

– Я же русский солдат. Я обещал ей вернуться, – повторял Васенин, вспоминая сейчас свою бурную долгую жизнь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Случилось настоящее чудо: Жанна Моно была жива. Подняв архивы, ее нашел французский журналист, работавший на радиостанции «Голос России». Но возраст есть возраст: бывшая возлюбленная Васенина находилась в пансионате для престарелых, была прикована к кровати. Из-за болезни Альцгеймера она практически потеряла память и не узнавала даже собственного сына Пьера. Кстати, Пьер родился вскоре после отъезда Николая на родину, был очень похож на него, хотя официально его отцом считался французский партизан, погибший в 1944 году.

Узнав о результатах поиска, Васенин активно засобирался во Францию. Хотя врачи категорически запретили любые дальние поездки и душевные переживания. Все же человеку 94 года. Не шутки! Но ветеран был непреклонен.

Тогда ему показали фото Жанны, которую он совершенно не узнал, – со снимка на него смотрела незнакомая старая женщина. Только прическа была прежней... Ему рассказали о ее неизлечимой болезни и прикованности к кровати. О том, что она никого не узнает.

Но Васенин по-прежнему рвался увидеть места своей боевой юности. Несмотря ни на что.

И все же встретиться с первой любовью ему было не суждено. Он опоздал, опоздал совсем немного. Жанна Моно умерла весной 2014 года, всего за несколько месяцев до приезда Николая Максимовича во Францию.

В Сен-Сорлине Васенина встречали, как национального героя. Мэр объявил его почетным гражданином города, в котором его именем будет названа и одна из улиц. В честь бывшего макизара был организован торжественный прием и праздничный ужин. И приятно шокированный встречей и почестями ветеран был несказанно удивлен, что о нем – простом русском мужике – так много и восторженно говорят эти гостеприимные французы.

Посетил Васенин и местное кладбище, посидел в одиночестве на могиле Жанны, помолчал. И оставил на холодном граните букет красных роз и коробку конфет «Уральские сказы»...

Он обещал вернуться и он вернулся!..

5 декабря 2014 года уроженцу вятской земли Николаю Максимовичу Васенину исполнилось 95 лет. Два дня спустя, 7 декабря 2014 года, его не стало...

О смерти 95-летнего ветерана написали ТАСС, Washington Post и Associated Press.

Прах героя был похоронен на почетной аллее Березовского кладбища...

Возвращаясь в тот прискорбный день в Екатеринбург, молодой уральский режиссер Андрей Григорьев, снявший пронзительный документальный фильм «Васенин», включил в салоне машины запись шуточного пения Николая Максимовича:

Я водки не пью, но люблю веселиться,
А если уж выпью, люблю похмелиться.
Люблю я с похмелья кататься на лодке,
Когда, испулавшись, опять выпью водки...

Такой он был – отважный, веселый, живой!
Николай Максимович Васенин,
человек с весенней фамилией.
Помяните солдата, помолитесь за него...

Виктор Семёнович БАКИН,
г. Киров

